

Мария
Бородина

Анна
Петра

Hate!

БЕССМЕРТНЫЙ
ПОНИ

З:А:М:Е:Т:К:И

цчасткового терапевта

@dr_marsanna

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Бородина

**Бессмертный пони. Заметки
участкового терапевта**

«Автор»

2023

Бородина М.

Бессмертный пони. Заметки участкового терапевта /
М. Бородина — «Автор», 2023

Непридуманные истории из практики провинциального участкового терапевта, пропитанные нежной сентиментальностью и приправленные злободневной иронией, не оставят равнодушным никого! Пройдите вместе с автором увлекательный профессиональный квест, что с каждым днём становится всё более сложным и нелепым. Вы будете плакать, смеяться, злиться, сопереживать героям и смаковать удивительное послевкусие.

© Бородина М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1. Заметки участкового терапевта	8
Ромео и Джульетта	8
Прокурорская бабушка	11
Человейники	14
Юрик Дзуликий	16
Ада и пустота	18
Закон бутерброда	22
Первой была женщина	25
Вытащи меня!	27
Забытая жизнь	30
Как в страшной сказке	32
Будем ждать исхода	35
Вещий сон	37
Мастодонт	40
Третье января	43
Фрекен Бок	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мария Бородина

Бессмертный пони. Заметки

участкового терапевта

Все события данной книги происходят в параллельном измерении.

Автор не ставит целью унижить или оскорбить кого-либо, а также дискредитировать медицинское сообщество.

Всех персонажей прошу считать вымышленными, а любое сходство с реальными людьми – забавным совпадением.

Вместо предисловия

В медицину я не хотела. Честно-честно.

Она сама меня выбрала. Не спросила, схватила за шкиряк и потащила. И допёрла ведь до финиша! Я вырывалась, но что-то толкало обратно. Исподволь. Наверное, эта толкучая сила зовётся судьбой.

Поликлиники я не любила с детства. Белые халаты – подавно. Но сильнее всего пугали... стетоскопы! Фраза "щас ка-а-ак послушаю тебя!" позволяла обрести надо мною абсолютный контроль.

В четыре года во мне сломались первые принципы. Я налечивала бабушек у подъезда выдранной у того же подъезда травой. Говорила чем залить, как настоять. И радовалась, когда на следующий день мне сообщали о мнимом «улучшении» и благодарили.

Чуть позже на медфак поступила двоюродная сестра. Приезжая в гости, я с упоением разглядывала её учебные пособия и умные книжки. И радостно правила заглавие «Гистология» на «Глистология». Ручкой.

Однажды учительница биологии попросила привести в школу маму. Прежде, чем я сказала маме, прошла битая неделя. Я стрессовала от адских предчувствий, ибо не понимала, где и когда налажала.

Причина была намного проще. И сложнее. Учительница решила готовить меня к олимпиадам. Мама по итогу разговора – тоже. А я? Ну а что я... Разве у тринадцатилетнего ребёнка есть право на собственное мнение?

Когда в школе образовались медклассы, я без лишних вопросов туда ринулась. Это ни к чему не обязывало, зато какая мощная база для олимпиад бонусом! Но в медицину так и не планировала. Хотелось в математику, как мама. Или в журналистику.

Но судьба умеет насмеяться над нами, как никто другой.

В десятом классе накрыла первая безответная любовь: настолько тайная, что о ней знала вся школа. Объект воздыхания учился в одиннадцатом и после школы... поступил на медфак! Я ринулась следом.

Я-то мальчика разлюбила, а медицина меня – нет.

Был, правда, ещё один важный фактор. Медфак брал меня без вступительных (медаль +диплом с олимпиады), а отдохнуть летом очень хотелось.

Мой первый опыт настоящей работы в медицине – замещение разъездной санитарки на практике после второго курса. Так получилось, что человек ушёл в отпуск, а замены не нашлось.

То лето было весёлым и познавательным! Я развозила мочу, мокроту и послеоперационные гистологии в лаборатории города. И не только. После обеда я сопровождала пациентов на консультации в тубдиспансер, инфекционную больницу и онкодиспансер. Мне даже доверяли их истории болезни под грифом "секретно".

Сначала на вопрос "Кем ты будешь?" я кровожадно отвечала: "Патологоанатомом!". Но после первого заформалиненного трупа из анатомички прыти во мне поубавилось. И я стала не менее кровожадно отвечать: "Психиатром!" С мечтой принципиально, но с болью рассталась после завала на экзамене по психиатрии. Ну, как завала... Четвёрки.

После пятого курса я осознанно захотела в участковые терапевты. Попала на практику к весьма приятной терапевтессе. Понаблюдала за приёмом, походила по адресам. И захотелось так же. Чтобы лампово, уютно, по-доброму и на короткой руке со всеми.

Жизнь дана нам, чтоб мечты сбывались.

И моя мечта сбылась тоже!

О том, что это была мечта идиотки, я догадалась лишь когда всё закончилось. Но я ни о чём не жалею.

Часть 1. Заметки участкового терапевта

Ромео и Джульетта

Что получилось бы, если б Ромео и Джульетта встретились в наши дни, будучи старше годков, эдак, на сорок?

Получились бы баба Глаша и деда Гриша из малосемейки на Лесной.

Встретились они, когда обоим было хорошо за шестьдесят. Деда Гриша своих детей уже вырастил, баба Глаша единственного сына уже похоронила. Встретились и полюбили друг друга, как подростки.

Баба Глаша Лукьянова торжественно стала Сундуковой и поселила деду Гришу у себя.

И начали они своё долго и счастливо. Помогали друг другу в горе и радости, даже когда у бабы Глаши ослабли ноги, а деда Гриша стал подслеповат. Но даже это не мешало им смотреть друг на друга горящими глазами. Вот как друг дружку любили!

На этом этапе я с ними и познакомилась.

Была я зелёной, неопытной. Только-только вливалась в специальность. Профессионализмом от меня и не пахло.

Стабильные вызовы к сладкой парочке раз в двенадцать дней я переносила спокойно. Чётко знала, что каждый раз надо брать с собой бланк рецепта для бабы Глаши, ибо клофелин она ела, как конфетки. Запоминала, в какие дни надеть обувь поудобнее и одежду полегче, дабы без труда залезть на пятый этаж.

Каждый раз всё проходило одинаково. Баба Глаша, спрятавшись за толстенными очками, вышивала или вязала; деда Гриша, подслеповато щурясь, восседал в кресле. Никакого нытья, никаких упреков. Выпишешь клофелин, поговоришь о насущном – и лети на все четыре стороны.

Любила я их даже: разговорчивых и добросердечных. Особой, врачебной любовью.

– Ноги что-то у меня совсем ничего не чувствуют, – как-то раз пожаловалась баба Глаша. – И мёрзнут. Даже носки шерстяные не спасают.

– Что с сахарами? – немедленно отреагировала я.

– Да кто ж их знает-то, сахара эти?

– Диету соблюдаете?

– Какая диета? Тут, может, последний понедельник живёшь! А Вы – диета... Всё я ем!

– Ест, ест, – подтверждал деда Гриша из своего угла. – Поругайте её, МарьСанна! Меня-то не слушает!

Баб Глашины сахара оказались запредельными. Не кровь, а густое варенье. Вот уж действительно: сладкая палочка Твикс. Госпитализацию баба Глаша не рассматривала: кто ж за дедой Гришей присматривать будет? Право, впрочем, её; её и выбор.

В экстренном порядке на дом вызвали эндокринолога. Теперь, помимо клофелина, нужны были ещё и инсулины. Но, как бы ни скакали сахара, диету баба Глаша не блюла всё равно.

Это всё в человеческой природе: назначили таблетки от сахаров – значит всё можно априори. Вместо силы воли поработает таблетка, наеденные сахара «сожгутся» инсулином – о чём ещё заботиться? А гангрены всякие, полинейропатии, комы – это мифы. Их же никто не видел, а значит врачи запугивают...

Однажды баба Глаша стригла ногти на ногах. В процессе – поранила палец маникюрными ножницами. Ерундово поранила: царапинка неглубокая, не больше пяти миллиметров. Скарификационная проба с антигенами мыла в нетипичном месте, можно сказать. Баба Глаша на этот

счёт не запарилась: ранку обработала, палец перевязала. Всё как полагается, по законам асептики-антисептики. Только на следующий день, несмотря на грамотные меры, палец покраснел и опух. А ещё через сутки начал болеть: да так адски, что баба Глаша всю ночь не спала.

Вызвали меня.

Я, разбинтовав палец, обнаружила, что гнойно-сукровичный экссудат идёт не из ранки, а аж с противоположной, подошвенной стороны. И поразились масштабам воспаления при незначительной травме. Предположив абсцесс, неопытная и пока ещё не слишком просвещённая я назначила обработку раны, перевязки и цефтриаксон внутримышечно. И хирургу вызов передала, чтобы "вскрыл гнойник".

Хирург оказался умнее и опытнее меня. Он сразу заподозрил самое страшное: гангрену. И, после скандала, экстренно госпитализировал бабу Глашу. Потом ещё и мне высказал: что, мол, сразу не отправила, тут каждая секунда на счету.

А что я? Я первый раз в жизни гангрену видела. И не думала, что бывает она такой быстрой и такой болезненной.

Через полторы недели баба Глаша из больницы убежала.

И снова вызвала меня.

К тому моменту пальцы на её стопе почернели и ссохлись, а кожа залилась серовато-синим до самой голени. И блестела от натяжения и отёка. Болело это всё, естественно, невыносимо.

– Вы зачем из больницы ушли?! – возмутилась я.

– Так там сказали, что ногу мне аж по бедро отрежут, – ответила баба Глаша. – Сосуды какие-то там не пульсируют.

– Вы подумайте хорошенько, – предприняла я тщетную попытку. – Само ведь не пройдёт.

– А вдруг? Антибиотики же.

– Нет. Нужна операция, и как можно скорее.

– Так я ей говорил-говарил! – вмешался из своего угла взволнованный деда Гриша. – А она, дура этакая: "Если в гроб, то с двумя ногами!"

Что ж делать?

Выпросили мы для бабы Глаши трамадол.

Идиллия Сундуковых рассыпалась на глазах.

Баба Глаша депрессовала из-за неминуемого исхода, но принципиально отказывалась от операции. Не спала ночами от боли, периодически температурила, гоняла туда-сюда жену погибшего сына. Деда Гриша ругался на неё, кричал, уговаривал ехать в больницу и угрожал самоликвидацией. В самом плохом и непотребном смысле...

Гангрене было пофиг на их тёрки и баб Глашины принципы. Гангрена ползла всё выше. Вот, уже до колена поднялась, голень стёрла почти до кости. Баба Глаша жива – и слава Богу. Но, даже видя, что происходит, и испытывая мучительные боли, не соглашается на операцию. Принципиальная она, волевая.

В квартире царит специфический запах. Каждая ночь – бессонная. Каждый день – как на иголках. Мольбы деды Гриши и снохи улетают в пустоту. Не слушает их баба Глаша. "Умру с двумя ногами", – говорит.

Однажды деда Гриша так возмутился этим принципиальным игнором, что взял и напился уксусной кислоты... Долго боролись за него реаниматологи, но увы. Баба Глаша не смогла даже побывать на его похоронах. Только в окошко видела, как деду Гришу к подъезду подвезли...

Прожила баба Глаша ещё месяц или два. Она так и не согласилась на операцию...

Впрочем, эта история не о том, как трагична бывает любовь.

Не о том, что даже самые прочные узы можно разрушить.

И даже не о пределе нормального человеческого терпения...

Она – о том, как важно вовремя обследоваться и контролировать хронические заболевания. Только мы решаем, будет ли у нашей истории плохой конец, открытый финал или хэппи энд!

Прокурорская бабушка

Долгое время я считала заместительницу главного врача по КЭР, Юлию Алексеевну Грохотову, чрезвычайно злой и кусачей.

Всё потому, что наше знакомство прошло не в самом дружелюбном ключе.

Только представьте себе: второй день на работе после декрета. Я – как топинамбур варёный, на стрессе, в тесном кабинете с двумя врачебно-сестринскими бригадами. Жмусь в уголке дворянкой безродной. Заполняю карточки и стараюсь никому не мешать...

А тут – телефон воеет. Да так настойчиво...

– Алло, – отвечаю обладателю незнакомого номера.

Из трубки на меня льётся истошный женский крик:

МарьСанна!!! Где карточка Мясоутовой?!

С одной стороны приятненько: ты только на работу вышла, а тебя уже по имени-отчеству... С другой – в таком тоне, словно не по имени-отчеству, а: «Не жри мой шашлык, Бобик, блоховоз проклятый!»

– Кого-кого? – переспрашиваю, слегка обалдев.

– Сании Бясыровны Мясоутовой!!! Мне карточка нужна!!! Немедленно!!!

– А кто это такая?

– Почему Вы не знаете своих больных?! – кричит Юлия Алексеевна, едва не плача. – Почему не посещаете больных лежачих?! Почему я вечно получаю от пациентов?! Почему они мне тут с ноги открывают дверь и угрожают?! Я так устала от этих претензий!!! Вот где хотите теперь эту карточку, там и ищите!!!

Голос в трубке обрывается гудками.

А я – в слёзы...

Старожилы кабинета обступили меня, как обиженного ребёнка.

– Это та бабка лежачая, – проговорил кто-то, – у которой сын – прокурор. Со второго этажа. Они карту и не отдавали сроду на руки никому...

– Я ей окулиста назначала! – второй голос. – В ту пятницу! Наверное, она и забрала!

– Ну, точно. Не реви. Щас принесу, – попытожила одна из медсестёр.

Через пять минут передо мной лежали четыре тома "Войны и мира", ушитые одной картонной обложкой амбулаторной карты...

...Сания Бясыровна в свои восемьдесят перенесла пять инсультов, потеряла возможность разговаривать и двигаться. От неё почти ничего не осталось: худенькая, сухая, обтянутая ломкой пергаментной кожей... Сложной она была: болезнь истощила донельзя, и то и дело норвила её доесть. На Сании Бясыровне постоянно образовывались гнойные пролежни, а лёгкие то и дело атаквала злобная гипостатичка... Но безупречный уход сиделок и родных делали своё дело: в комнате даже не пахло.

Зловещий прокурор – Рифат – оказался адекватным и спокойным. Ухоженный кругленький блондин с благородной осанкой, тихим голосом и давлением под двести, на которое между делом жаловался. Оно и понятно: издержки профессии. В выходные Рифат отпускал сиделок, оставлял все дела и собственноручно ухаживал за матерью.

А вот дочь прокурора Марьям – красивая улыбчивая женщина-дознаватель – рвала и метала по любому поводу.

Поводы находились всегда.

Не пришла после вызова скорой.

Не пришла ни разу за эту неделю.

Пришла за текущую неделю всего один раз.

Пришла и ушла всего через пятнадцать минут.

Ничего не написала в карточку.

Не пригласила невролога, который был только позавчера.

Нагноились пролежни.

И вообще: бабуле внезапно нужен гинеколог!

– Ну, Вы уж как-нибудь с ними к консенсусу придите, – снисходительно попросила главврач, Альбина Андреевна Пологова, после очередного визита Марьям и очередной жалобы. Настолько снисходительно, что даже набрала с личного номера. – Почаще к ним заглядывайте. Прошли мимо – заглянули... А то она ведь прокуратурой грозит! Вы только начинаете работать, зачем Вам эти проблемы?

И я приходила. В очередной раз.

Марьям встречала меня широченной улыбкой: мол, мы Вас и не ждали! Рифат вторил ей: вот, мол, какая Вы заботливая, МарьСанна, всегда придёте, всегда на все вопросы ответите... Но я-то знала, что не появись я у них, к вечеру на столе Пологовой лежала бы ещё одна жалоба.

Бывало, перебираюсь между корпусами поликлиники по яблонево́й аллее, наслаждаюсь блаженными секундами условной свободы. Задираю голову в седое небо, ветром дышу на лайтовом чиле. А сзади ка-ак заорут:

МарьСанна! Как хорошо, что Вы здесь!

Обернусь, а через аллею следом Марьям несётся и улыбается. Кудрявые густые волосы развеваются на холодном ветру, полы кожаного плаща прыгают в такт стуку каблучков. И машина Марьям стоит, перегородив однополосную дорогу, на аварийке. Дознавательницам так можно.

Ну, добрый день, – не слишком охотно здороваюсь я.

МарьСанна, – суетливо выдыхает Марьям, – нам ведь памперсы нужны. Срочно. Организуете?

Так чтоб памперсы получили вы, надо Вашу бабушку повторно на МСЭ оформлять. Это опять все узкие специалисты и десять листов А4. И психиатр, и гинеколог, и логопед...

Что Вы хотите этим сказать?

Я ведь только две недели назад её переоформила на МСЭ!

Ну и что, – бескомпромиссно заявляет Марьям. – Вы ведь всё организуете?!

И организовывала. Приходилось. Обзванивала узких специалистов заново, всё объясняла: кто такие, что, почём... Всё получалось. Памперсы назначались, ИПР переоформлялась. А ещё через две недели Мясоутовы требовали пелёнки, мыло, ортопедическую обувь или стул-туалет... И всё шло по новому кругу.

Не возражала я: страх держал. Боялась я семейство Мясоутовых до коллик. Даже бабушку. Молодая была, неопытная... Усугубляло мой страх и начальство. Оттого я стабильно ловила панические атаки и ездила к ним один раз в пять дней.

Даже в выходные.

Даже в отпуске.

Вот какие серьёзные люди!

Помню, даже в День Победы к ним наведальась. Потому что прошло пять дней...

Месяца через три постоянных посещений, я выгадала время, когда Мясоутовы приходят на обед. И стала заглядывать к Сании Бясыровне строго до или после этого времени. Чтоб не пересекаться и не нервничать. Смотрела её при сиделке, избегая необходимости оправдываться или объяснять, отчего я не зелёный верблюд, делала запись в карте, назначала лечение и уходила.

Изредка разговаривала по телефону сиделки с Рифатом, объясняя ему, что к чему.

Это и стало консенсусом. Всех всё устраивало.

Мясоутовы требовали идеальности, впрочем, не только от меня.

У прокурорской бабушки регулярно останавливалось сердце: раз в две недели точно. Тогда к подъезду приезжал, красиво переливаясь неоновыми огоньками, реанимобиль. Санию Бясыровну отвозили в реанимацию БСМП, где всячески не давали ей умереть. Следом непременно ехала Марьям, чтобы тщательно проконтролировать процесс и показать майорские погоны.

В больнице Санию Бясыровну задерживали на две недели. У меня в такие дни случался светлый промежуток. Выдох. Кобыле легче, как бы грубо это ни звучало в подобной ситуации. Я ходила мимо Мясоутовской пятиэтажки с лёгким сердцем и чистой совестью. Наверное, так же глубоко и от души выдыхало моё начальство.

После бабушку возвращали на родину, и всё начиналось заново...

Спасали бабушку, надо сказать, не зря. Эффект был. Пролежни рубцевались, неврологические дефициты редуцировались, пневмонии уходили. А старое бабушкино сердце заводилось и стучало дальше, отсчитывая дни и годы.

Случались и чудеса. Прихожу я как-то к Сании Бясыровне, а она... Сидит в постели и левой рукой уплетает суп. Ложкой! Сама!

– Вот это да! – только и смогла я произнести. – Да Вы у нас скоро встанете и пойдёте!

Посмотрела на меня Сания Бясыровна грустно-грустно. Вроде того: «Да отстаньте вы все уже от меня!» Всё она понимала, хоть и сказать ничего не могла...

А через два дня разбил её шестой инсульт...

Родные, без сомнения, очень любили Санию Бясыровну. И их попытки раздуть костёр из тающего пламени могли бы продолжаться ещё долго. Но всему приходит конец. Очередная остановка сердца – и бабушку Санию не спасли...

Умерла она в больнице. Говорят, что Марьям долго разбиралась с причинами и с энтузиазмом дознавательницы опрашивала докторов. Хотя, всё было очевидно...

А что было бы лучше на самом деле?

Отпустить человека во имя любви?

Или держать железной хваткой во имя её же?

Я до сих пор не нахожу ответа на этот вопрос...

Человейники

Меня с детства притягивают старые – и не очень – многоквартирные дома. Трущобы-развалюхи с прогнившим полом, «сталинки» с квартирами-хоромами и потолками в три метра, новостройки, украшенные рогами "меркушек"¹ и похожие на сторбленных великанов.

Я легко представляю, как дома спланированы внутри, как располагаются комнаты в квартирах... Сколько комнат в каждой, сколько квартир на этаже, как они расположены... Сочетание конструктивизма и неуёмного воображения – бешеная штука.

За волшебством далеко ходить не надо. Человейник – настоящий перекрёсток миров, где за каждым окошком спрятана маленькая Вселенная. Любую интересно исследовать даже касанием взгляда. Ржавая кастрюля, коротающая век на чужом подоконнике, способна вызвать во мне ощущение экстаза.

Да каких только чудес ни разглядишь в окнах: нужно лишь присмотреться! Постап за вуалью ветхих занавесок, с замызганными кухонными шкафчиками и ретро-раковинами, соседствует со скай-фаем с его показным минимализмом и геометрическими канделябрами под потолком.

Наверное, в одной из прошлых жизней я была архитектором и рисовала проекты многоквартирных домов. А, может быть, и бандитом – придумывала способы квартирных налётов и грабежей.

К счастью, в этой жизни налетать и грабить не пришлось. Работа предоставила уникальную возможность посмотреть на волшебство изнутри.

В любом городе есть временные порталы. Скрываются они обычно в сталинских двухэтажках, отданных под общаги или готовящихся к расселению. Открываешь дверь – переносишься в Советский Союз. Идёшь по дощатому полу – продавить боишься. А кругом – луковые гирлянды в капроновых чулках, картошка в ящиках и массивные старомодные шкафы. Из этих шкафов можно баррикады строить – не развалятся.

Вокруг нас есть и космические чёрные дыры. Они едят аварийные дома, опустошая их. Возможно, вы видели одинокие огоньки в домах, первые этажи которых заколочены? Там живут люди, до которых чёрные псевдоподии ещё не дотянулись.

У каждого человеяника есть душа. И – как и у людей – уникальный характер, приبلуды и погремушки.

ЖК «Стодвдцатка» – непостоянная капризная барышня. Таксисты «Стодвдцатку» кличут "пьяным домом". Метров триста суммарной длины, пять изломов под тупыми и острыми углами, три смены этажности... Стодвдцатка – моя неземная любовь с той поры, когда я, проезжая мимо на автобусе с мамой, по слогам читала лозунг на крыше: "Граждане! Соблюдайте правила пожарной безопасности!".

Знала б я тогда, что спустя двадцать лет мне вверят «Стодвдцатку», как участковому терапевту.

Поначалу я боялась, что «Стодвдцатка» меня проглотит. Ибо никакой логики я в ней не находила. В одном подъезде – классика жанра, четыре квартиры на площадке. В другом – «распашонка»: два длиннющих коридора по обе стороны, в которых в хаотичном порядке рассеяны квартиры вперемишку с кладовками и подсобными помещениями. Рукава «распашонки» могут прерваться на любом уровне ещё одной, общей дверью. Словно видишь не самый приятный сон. Бежишь по помещению с кучей коридоров, лестниц и дверных проёмов. Откроешь их – попадаешь в новый коридор с кучей дверей, и так до бесконечности...

¹ Меркушка – так называют по-простонародному в Мордовии шпиль на крышах зданий. Название пошло от фамилии экс-главы республики Н.И. Меркушкина, в эпоху правления которого активно возводились здания со шпильми.

Если вы – адовый перфекционист и хотите взбодриться – вам стоит ехать на Пионерскую 6. И если «Стодвадцатка» – капризная выпивающая дама не совсем правильного телосложения, то Пионерская 6 – бабуля с глубокой деменцией. Нумерация квартир в этом доме упорота донельзя. Чтобы её постичь, не хватит ни здоровой логики, ни психоактивных веществ.

В доме два изолированных крыла, в которых прячутся сто шестьдесят квартир. По шестнадцать на этаже, или около того. Ищешь ты, допустим, сто пятидесятую. Просчитав всё по законам здоровой логики, приходишь на последний этаж. А там номера квартир рассеяны хрен пойми как. Максимальный – сто тридцать восемь.

Ошизев, стучишься в сто тридцать восьмую и спрашиваешь: а куда же, собственно, пропала сто пятидесятая? А тебе привычно отвечают: никуда, мол, не пропала. Она просто двумя этажами ниже!

Двумя! Этажами! Ниже!

Есть в Саранске и более странные дома. Например, старая трёхэтажка на Гагарина 30а. Этот дом существует по законам четвёртого измерения, неподвластному простым человеческим существам.

Поступает, допустим, вызов в пятьдесят шестую квартиру. А квартир в доме всего пятьдесят четыре! Представляете?!

Помнится, получив такой вызов впервые, я подумала, что подвинулась головой. Аж три раза позвонила в регистратуру. Нет, не перепутали. Ладно, думаю: пойду-ка пройду по подъезду, постучусь по соседям. Нам не впервой. Авось, знают, где бабуля с такой-то фамилией живёт...

В подъезде меня ждала конкретная жесть!

На первом этаже – четыре двери. На первой номера: 34–35, на второй – 33, на третьей – 23, на четвёртой – 24.

Второй этаж. Уже три двери. Первая – 25–30, вторая – 48, третья, кажется, 46.

Ну и третий. Снова три двери: 52–54, 36 и ещё какая-то. Квартира 56 оказалась за дверью, помеченной числами 52–54.

Как я поняла со слов пациентки, этот дом в прошлом был общагой. Позже часть комнат объединили в квартиры, другую часть – в коммуналки с общей кухней. Типа перепланировка. Отсюда – путаница с номерами и документами.

Ещё человекники и человекнички – безграничный источник вдохновения!

Не верите? Посмотрите на любое окно в человекнике. И ответьте на вопрос: кто там живёт? Какой он – этот кто-то? Что ему нравится? Какие у него проблемы и интересы? Уверяю, воображение расскажет интереснейшую сагу с прологом, эпилогом и интерлюдиями!

Юрик Двуликий

Что бы вы испытали, если бы в полутёмном, зассаном подъезде к вам прицепился мужик? Да весь пьяный-помятый?

Да с фингалом, сияющим аки закатное солнце в спальном районе?

Да с замшелой металлоломной трубищей больше самого мужика?!

Вот и я не растерялась и приготовилась драпать, роняя разношенные участковые сапоги.

Однако, мужик весело сказал, шмыгая носом:

– Здрасьте. А я Вас знаю! Вы ведь врач?

Было в его простоте что-то подкупающее.

– Прошу Вас, – учтиво пропустил меня, когда лифт разверз перед нами пасть, провонявшую плесенью.

Я перепугалась напрочь. Несмотря на то, что на тот момент имела завидную комплекцию в сто двенадцать килограммов живого веса, и теоретически могла бы задавить мужика массой. Но убежать было как-то неприлично.

На всякий случай я нащупала в кармане связку ключей.

Пока лифт полз на седьмой этаж, мужик расспрашивал про участок. К кому еду. Не нагрязнул ли грипп. Много ли вызовов. Тяжко ли работается. Я, глядя на зловещий остов трубищи и офигея от странности ситуации, старалась отвечать.

Попрощался мужик дружелюбно и по-доброму. Выполз со мной на этаже и попёр свою трубищу выше.

Чуть позже я узнала, что соседи, то ли любя, то ли не принимая всерьез, ласково кличут мужика Юриком.

Юрик существовал в двух ипостасях: трезвой и запойной.

Запойный Юрик, грязный и общипанный, с взъерошенными кудряшками и подбитыми подглазьями, таскал с ближайших свалок металлолом. Тем и жил. Временами, подбукнув, беззастенчиво посапывал в кустиках, временами – сидел с бабушками на лавочке, полоща прохожих пустым одуревшим взглядом. Протрезвев и отойдя от запоя, Юрик превращался в импозантного джентельмена при джинсах и пиджаке: чистенького, смешливого и вежливого. Устраивался в ближайший ЖЭК дворником. И регулярно приветствовал меня, опасно размахивая дворнической лопатой:

– Куда сегодня идёт моя королева?

Юрик походил на трёхглавого дракона, первая голова которого разрыгивает пламя, вторая – нюхает цветочки, а третью отрубили нафиг. Оттого прозвала я Юрика Двуликим.

Поговаривали, что в девяностых у Юрика был бизнес, и жил он припеваючи. Но – то ли по простоте душевной, то ли по глупости – связался с дурной компанией. Разорился, сидел в тюрьме. Вышел с характерным букетом и зависимостями. Так и барахтался, аки поплавок: то ко дну пойдёт, то рыпаться начинает, пытаюсь выплыть.

Человек сам несёт ответственность за то, что с ним происходит. Но Двуликого, в отличие от остальных алкашей, отчего-то было жаль. Может, потому, что он так неистово барахтался, пытаюсь, вопреки болезням и зависимостям, вернуться к нормальной жизни. Как живчик, а не как тело, пропившее душу.

Однажды Юрикову маму от весёлой сыновьей жизни шарахнул инсульт.

Придя на адрес впервые, я застала разорённую квартиру, грязную бабулю на голом матрасе и бухого, раздражённого Юрика.

– Что вот мне с ней делать?! – бесился Юрик, чуть ли не слезами заливаясь.

– Госпитализировать, – мрачно проговорила я.

– Вот ещё! У меня денег нет, чтоб врачам взятки давать!

– А Вы что, сами сможете ухаживать за ней? Лечить её?

Юрик только носом шмыгнул.

Взяла я отказ от госпитализации. Назначила консультацию невролога и препараты, не имеющие доказанной эффективности. Сложно дружить с доказательной медициной, когда ты – участковый терапевт.

Через пару недель вызов к бабуле поступил снова. По 03. Шла со страхом и долей брезгливости. Ожидала застать бухого Юрика на полу, или что похуже. Однако, квартира была чисто вымыта. Всё, что раньше валялось – поставили на место, всё, что было открыто – закрылось. Металлолом был сдан, бабушка – умыта и накормлена. А Юрик – отрезвлён реалиями жизни.

Вот я таблетки ей какие даю, – Юрик гордо показал таблетницу и перечислил все языкодробительные названия. Правильно, надо сказать, перечислил. – Днём уже выпили, осталось вечером. И вообще: не задерживайте вы нас. Я её ещё искупать сегодня должен.

Или придёт, бывало, Юрик на приём после очередного помутнения с пачкой документов на трудоустройство. А анализы – жуть жуткая!

– Ты иди, пролечись, – наставляли мы с Татьяной Арсеньевной. – Потом подпишем.

– Да как вы не поймёте?! – бушевал тот. – Мне вотпряшас надо начинать работать, а того-нибудь другого примут! А денег на ваши лекарства у меня нет!

– Так Грохотова тоже с такими анализами не подпишет. Ещё и нам по шапке надаёт.

– Я скажу, что это я попросил! Только подпишите!

– Мы ведь и не отказываем. Только пролечись и анализы пересдай!

– Окочуришься тут прежде, чем на работу устроишься! – негодовал Юрик. – Или с голоду околеешь.

Потом он шёл по остальным терапевтам в надежде, что хоть кто-нибудь, да сжалится.

– Он ведь неплохой мужик по сути, – говаривала Татьяна Арсеньевна, чуткая к чужим порокам и недостаткам. – Простой, не злобный. Просто так в жизни получилось.

Но, как Юрик ни старался, тёмная часть его немного, но перевешивала. Перед каждым новым рывком он оказывался чуть ближе ко дну.

Минули годы. Мама Юрика умерла. Накопились долги за ЖКХ. И вот, Юрик поменял просторную двушку в ЖК «Стодвадцатка» на однушку в соседней пятиэтажке.

Потерял Юрик былой лоск и уверенность. Злые языки говаривали, что ноги у него чуть ли не гнить начали. Мол, инвалидность продажные врачи не дают. Да вот только не обращался к нам Юрик. Вообще не обращался. Никто же не поведёт взрослого мужика за ручку сдавать анализы оформлять инвалидность, правильно?

Но... Недуги прогрессировали, а Юрик успешно дворничал. Усердно махал лопатой в окрестностях участка. И каждый раз распахивал передо мной двери подъезда и улыбчиво приветствовал:

– К кому это моя королева пошла?

Сгубили Юрика, между тем, не недуги.

Когда тёмная сторона в очередной раз потянула его ко дну, он просто уснул спяну и не проснулся. Высшие силы пожалели Юрика, послав лёгкую смерть.

И – знаете – отчего-то печально.

Может, оттого, что я верю в добро и всегда болела за Юрикову светлую сторону.

А, может, потому, что никто теперь не назовёт своей королевой.

Ада и пустота

Баба Ада слыла настоящим исчадием ада.

Округлая, кучерявая, с пухлыми ногами колесом и без единой морщинки в семьдесят три. Искусный эмоциональный манипулятор, чудесная актриса и при этом – человек феноменальной ядовитости и злопамятности.

Пойди туда – не знаю, куда. Выпиши то – не знаю, что. Приди ко мне – не знаю, зачем. Улыбнись так – не знаю, как. Чего хочу – не знаю, а это всё – не хочу. Это про неё.

Хороших людей для бабы Ады не существовало.

Вернее, хорошим для неё был только один человек: она сама.

По закону бутерброда, жила баба Ада на моём плохом участке! Вызывала плохую меня она ежедневно. Ну или почти ежедневно. Наверное, за неимением хорошей альтернативы...

Попала я к ней сразу. В тот же день, что на участок вышла.

И так получилось, что, не имея опыта, просмотрела у неё транзиторную ишемическую атаку. Вместо неё обозначила гипертонический криз. Но «скорую» всё же вызвала...

Последствий удалось избежать. Но баба Ада мне постоянно сиё припоминала.

– Написала б всё правильно, меня бы сразу на КТ повезли, – злобно ворчала она, когда что-то шло не так. – И положили бы в больницу. А так – домой вернули. Ну что Вы за врач!

Появляясь в её небольшой, с густым от запечатанных форточек воздухом, квартирке, я не могла уйти битый час. "Правило золотой минуты" с бабой Адой не работало. Да что там минута: с нею не прокатило бы и правило золотых суток... Жаловаться она могла бесконечно, да на всё подряд.

– Давление за двести, – плакала баба Ада, картинно покрывая ладонью лоб. – Лекарства не помогают! Что делать?!

– Давайте заменим Эналаприл на Телмтсартан, – кося под умную, предлагала я.

– Ой, да я этот телмисартан проглотить не могу!

– Так разломите таблетку перед употреблением.

– У меня ру-уки трясутся!

– Раскусите, взяв в рот.

– У меня зубо-о-ов почти нет!

– Давайте Кардосал попробуем, но он подороже...

– Никто не думает о том, как я жить буду на пять тыщ?! – подрывалась баба Ада. – Правильно, не вам же жить!

– Э-э-э... – запиналась я. И внезапно вскакивала с новой идеей, как тот самый Осёл из Шрека: – Амлодипин?!

– У меня на него аллергия, – зло возражала баба Ада. – Голова кружится и ноги отекают!

– Бисопролол, – предлагала я, уже скрипя зубами.

– Он противопоказан при бронхитах!!! Где вы вообще учились?!

– Ну а что ж Вы тогда предлагаете?! – я с возмущением захлопывала карточку габаритов микроволновки и с ехидным прищуром смотрела на бабу Аду.

Возникла невнятная тишина. Лишь нарочито тяжёлые вздохи бабы Ады её нарушали.

– Так что делать будем? – повторяла я.

– Не зна-а-аю, – она заливалась слезами. – Врач ведь Вы, а не я! Вам всем лишь бы обидеть меня. Что Вам, что «скорой»... А мне же плохо!!!

Вот и разберись: то ли назло делает, то ли тихо шифером шурша...

Я уходила, не попрощавшись. Потому что попрощаться с нею было невозможно. Бабе Аде постоянно нужен был надсмотрщик, тюремщик и санитарка с одним лице. И девочка для битья.

Спустя пару месяцев, я выстроила линию общения с бабой Адой.

Не морщить нос от бабкиных слёз.

Не потакать глупым просьбам.

Делать назначения ультимативно.

Быстро уходить.

Ох и не нравилось это ей!

Долго баба Ада думала, как мне шах и мат сделать.

И додумалась.

В очередной раз придя к ней, я застала в гостях соседку. Амелия Павловна – Божий одуван с лёгкой деменцией и вечной улыбкой – подносила к губам бабы Ады стакан с водой. А та – приседала с руками, вытянутыми вперёд.

– Что это за гимнастика? – удивилась я.

– Это всё, чтоб таблетку Вашу гадкую проглоти-и-ить! – завывала баба Ада койотом. – Надо же жи-и-ить как-то?!

– Изжога, чай, – с улыбкой прокомментировала Амелия Павловна.

– Вот, – кипела баба Ада, обращаясь как бы не ко мне. – Навыписывала мне! А что – сама не знает!

– Да что там в наши годы? – блаженно улыбалась Амелия Павловна. – Жива, да и хорошо!

В общем, Амелия Павловна поддержала меня, и тяжёлой артиллерии из неё не получилось.

В следующий раз, едва я порог переступила, баба Ада выбежала на лестничную клетку и отчаянно замолотила в соседскую дверь...

– Чё? Пришла врачиха? – прокаркал прокуренный женский голос за моей спиной.

Следом за бабой Адой в тесную прихожу ввалилась пышная девушка с крашенными чёрными волосами и неоновыми-оранжевыми коготками, вся в автозагаре и распахнутом леопардовом халатике. У таких в кармане непременно пачка тонких сигарет, а муж – где-нибудь в Умёте или Ударном. Или в Магадане, если не слишком повезло. Клянчит деньги, изредка присылает нажёванные из хлеба розы и ласково называет в переписках «малая»... Серьёзная, короче, дама: настоящий боевой танк.

Девушка сурово глянула на меня.

Ничего не сказала.

И пошла контролировать процесс осмотра бабы Ады.

Осматривала я старушку с ног до головы. Всегда. Включая ненавистную всеми терапевтами глубокую скользящую пальпацию живота по методу Образцова-Стражеско, пальпацию отёков и осмотр щитовидной железы.

– Не так слушаете, – то и дело раздавались суровые замечания боевой девушки. – Нужно дольше!

– Вы, наверное, преподаватель по пропедевтике? – съязвила я.

– Поговори мне тут ещё! Лечить не умеешь! Обследовать не умеешь! Микроинсульт пропустила! Назначаешь всегда какую-то ерунду, которая не помогает!

– Современный мир предлагает множество альтернатив, – заметила я. Мой голос набирал обороты. Орать я умела хорошо. – Не устраивает? Есть частные клиники.

– А ей жить на что? Ча-а-астные... Тьфу, б**!

– Можете сами в поликлинику приходите и посещать другого терапевта.

– Как она дойдёт-то?!

– Вот если Вы так переживаете за неё, могли бы раз в месяц помочь и сопроводить её до врача.

Баба Ада с блаженным удовольствием на круглом лице наблюдала за нашими перепалками.

А потом – устроила свои традиционные: "это – не надо, это – не вкусно, это – не хочу, это – дорого, а это не проходит у меня через горло". Да так качественно, что леопардовая девица обалдела и стукнула о пол отвисшей челюстью.

– Извините, – сказала она тихо уже у выхода. – Она просто меня очень просила на Вас повлиять. Мол, не делает ничего...

Через пять лет леопардовую красавицу заберёт цирроз...

Специально ли делала всё это баба Ада?

Не думаю.

Ведь, если присмотреться к ней, можно было найти и плюсы.

Самозабвенно заботливой баба Ада была всю жизнь. Иногда даже личные потребности стороной обходила. Но ради родных порвала бы последнюю ночнушку на бинты.

С тех пор, как любимая долгожданная дочь погибла в автокатастрофе, а послеинсультный лежачий деда Митя ушёл в лучшие места, заботиться, забывая о себе, стало не о ком. И смысл жизни бабы Ады, вместе с точкой приложения энергии, потерялся.

Был, правда, ещё сын. Но жил не так, как бабе Аде угодно было. Мамкиной удушающей заботы шугался, как огня. Да так не ладил с нею, что, изредка позвонив, кидал трубку среди разговора. А в гости вообще старался не приходить: не отпустит ведь!

Есть люди, которым позарез нужно быть нужными. А когда не приносятся – медленно, но верно уходят в себя. Наверное, это акцентуация, которую нужно лечить; один из сторон треугольника Карпмана. Но раньше-то об этом не знали! Раньше это нормой считалось!

Баба Ада как раз такой и была. Никому не нужна – зачем тогда жить-быть?

Оттого упала баба Ада в депрессивную пустоту. И проваливалась туда с каждым днём глубже и глубже.

– Ну, вот что мне для Вас сделать? – возмутилась я, в очередной раз придя к бабе Аде не знаю зачем. – Поговорить с Вами?

– А о чём говорить?

– Ну, не знаю. Подумайте. Что Вам интересно? В чём для Вас смысл жизни?

Баба Ада достала из складок кресла кнопочный телефон и протянула мне. Пригладила растрёпанные кучерявые волосы и выдавила, залившись слезами:

– Серёже позвони.

– Какому Серёже?!

– Сы-ы-ыну!

Найдя в списке контактов заветное имя, я набрала номер.

Длинные гудки...

– Опять не берёт, – разозлилась баба Ада. – Мать не нужна совсем! Как нашёл свою сектантку, так и испортился...

– Сектантку?

– Евангелистку, или католичку какую-то. Старше него на пять лет, с двумя детьми. Ещё одного своего родили, так нет, ей мало! Ещё двоих усыновили! Совсем на шею Серёженьке сели!

– Так дело-то хорошее, благородное...

– Да он вкальвает теперь на них день и ночь! И обо мне забыл!

– А жена его что, не работает?

– Да так, ерундой мается: поваром что ли...

– Ничего себе "ерундой мается"! – возмутилась я. – А Вы бы на выходные взяли и внуков в гости пригласили! И сами бы отвлеклись, и детям интересно с бабушкой встретиться.

– Видеть их не хочу, – сквозь зубы проговорила баба Ада. – Чужие они.

– Может, к психотерапевту Вам? Таблетки выпишет?

– Да что я, чокнутая что ли, химозу эту глотать?!

Разговор был исчерпан.

Пустота накрывала бабу Аду всё сильнее.

Вот, она уже и готовить перестала, и мыться, и убираться. Всё соцработник за неё делала. А однажды – при соцработнике отказалась из ванны вылезать. Пришлось экстренно вызывать сына. Сын орал, что его сорвали с рейса, но всё же приехал, и бабу Аду из ванны достать помог.

А потом и вовсе легла баба Ада на кровать. И вставать отказалась. Никаких инсультов, никаких болезней, что препятствовали активности. Просто легла и не встала.

Не хотела больше вставать.

Ключ от квартиры она торжественно вручила Татьяне Арсеньевне, чтоб мы проводывали её иногда. Ещё к ней приходила соцработница: худенькая, хрупкая женщина с золотыми локонами. И иногда соседка-одуван Амелия Павловна, которая к тому моменту уже инсульт перенесла. Из чувств гуманистических. Накормить, напоить, дать лекарства...

Один раз пришли мы с соцработницей к бабе Аде, а она у кровати на полу лежит. В луже! В сознании, спокойная, умиротворённая – даже не плачет! И встать не пытается! Как мы вдвоём поднимали её – лучше не вспоминать. Как умоляли её хоть немного помочь нам ногами или руками, зацепиться, опереться – а она ни в какую!

Ничего плохого у бабы Ады не нашли. Всё оттого, что страдала она болезнью незримой, но страшной. Депрессией страдала. Раком души.

Рак души – он ведь так же болит, как и рак тела. Ничуть не меньше. И так же поглощает энергию. Так же разрушает. Истощает. Блокирует возможность получать удовольствие и энергию мира. Метастазирует, вызывая интоксикацию мыслями и психосоматические расстройства.

И, если его не лечить, в итоге убивает.

Так и умерла баба Ада на этой кровати.

Сын к ней так и не пришёл.

Осуждать его или не осуждать – дело личное. Но кажется мне, что не таким плохим он был, как баба Ада малевала.

Закон бутерброда

Самое предновогоднее блюдо участкового терапевта – бутерброд.

С маслом, ибо на икру не заработали. Падающий им самым вниз. Повезёт – на рабочий стол, не очень – на замызганный пациентский палас.

Закон подлости как он есть. Самый что ни на есть предновогодний!

Тридцать первого декабря творятся неординарные и непредсказуемые вещи. Вещи, требующие не только врачебного и начальственного вмешательства, но и... времени! Пока все нормальные люди режут салаты и смотрят "Иронию судьбы", участковые терапевты решают чужие проблемы.

Мои тридцать первые бывали всякими. Начинались они и с оказания неотложной помощи, и с выписки справок о смерти внезапно «удружившим», и с начальственных прозвездондов а-ля "даёшь пятилетку за год". Заканчивались, порою, невыданным расчётом за декабрь, пустым кошельком и единственным бюджетным салатом на не слишком праздничном столе.

Но самый запоминающийся «наступающий» случился в 2013 м...

Это был мой первый Новый год после декрета.

После двух справок о смерти, диагноза которых пришлось долго и муторно согласовывать с начальством (статистика, мать её за ногу), я закрыла несколько больничных и забрала в регистратуре карту вызовов. Наплевав на мою формальную свободу, мне подсунули аж два чужих адреса: с участка напарницы и с пустого, что в километре поодаль.

Километр по частному сектору – не расстояние. Даже когда снег валит хлопьями, мороз грызёт уши, а рыхлые сугробы достают до колен. Сильнее расстраивал повод вызова, переданного БСМП. "После инфаркта с открытым больничным", – смеялись письменные буквы, танцующая новогодний канкан.

Сердце обрушилось в район пятой точки. Больничный наверняка придётся продлять через врачебную комиссию. Дополнительный гемор, дополнительные телодвижения. Фактор немодифицируемый – ничего не попишешь. Я сделала превентивный звонок заместительнице главного врача по КЭР Грохотовой, и, собрав в кулак волюшку богатырскую, грейдером поползла на адреса сквозь снег.

Сугробов навалило по самое не хочу. Расчищенные с утра тропки частного сектора превратились в узкие желобки. Деревянные домики засыпало по самые окна. Набрал полные сапоги снега, я доползла до нужного дома. Позвонила-постучала. Попыталась открыть калитку. Почесала уши, окаменевшие от мороза.

Не открывали.

Постучала окостеневшей рукой в окошко.

Тишина.

Позвонила на домашний.

Длинные гудки...

Рассвирепела, как туча, нависшая над городом. Любит же БСМП вызовы передавать с самого утра! Кто знает, в котором часу его выпишут?! Ответственность-то, как ни крути, теперь на мне!

А тут ещё и телефон зазвонил проклятуций:

– Маша, ты скоро? – волновалась свекровь, что сидела с мелкой. – Давай, поторопись! Я ведь ещё дома ничего не сварила!

Ха! А я, можно подумать, сварила!

Решила я, дабы время занять, на пустой участок сходить. Бабку навестить, что второй вызов оформила. Вернусь – может, и инфарктник злосчастный подъедет. Пробежалась по

сугробам – сожгла калорий на целый новогодний стол. Бабка меня не ждала, но по закону жанра пришлось послушать всю бабкину семью.

Через час я вернулась к домику инфарктника. Моя морда сияла багрянцем и лоснилась, как у Dead-а Мороза, а окоченевшая душонка негодовала. Новогоднее настроение давно испарилось вместе с бодростью и желанием творить добро.

Звонок от Грохотовой вмял в сугроб окончательно:

– Мария Александровна, как там Ваш пациент с инфарктом? Долго ждать Вас? Сегодня короткий день!

– Да знаю я, что он короткий! Не подъехал ещё пациент!

– А Вы где?

– Перед его домом стою, мёрзну!

– Ну подождите уж ещё немного. Мы же не можем его бросить с открытым больничным!

Пациент приехал на такси через пятнадцать минут. Тощий, измождённый. С каплями пота на лбу, одышкой и цианозом носогубного треугольника.

– Давайте, скорее, Ваш больничный лист и выписку, – выдала я, едва оказавшись в комнате.

– Нет у меня больничного листа, – отозвался пациент.

– То есть? Вы не работаете?

– Работаю. В МВД!

Я мысленно отматерилась на все буквы алфавита.

Даже на твёрдый знак!

Вот так жопа-новый-год.

Сотрудники МВД обслуживаются строго в ведомственных поликлиниках. У них даже полисов нет. Мы не имеем права ни оказывать им помощь, ни продлять больничные листы!

– Вы, наверное, уже оповестили своего терапевта?.. – промямлила я, осторожно подбирая слова.

– А нужно? – как кирпичом по башке.

– Скажите номер Вашей регистратуры, я передам вызов.

– Я не знаю. Сроду не обращался.

Ладно. Гугл нам в помощь. Набираю номер.

– Наши терапевты уже не принимают вызовы, – проворчали на том конце. – Вечно вы телитесь! Надо было до одиннадцати звонить!

– Понимаете, мы не можем обслужить сотрудника МВД! – возмутилась я. – Пациент тяжёлый! Больничный лист по сегодняшнее число, открытый!

– Пусть второго числа вызывает дежурного врача!

– Второго будет нарушение режима!

– Ничем помочь не можем! Решайте сами этот вопрос.

Короткие гудки красноречиво оповестили о том, что все нормальные люди уже готовятся праздновать.

От отчаяния набрала Грохотовой:

– Юлия Алексеевна, как нам быть?

– Приезжайте, – выдохнула Грохотова в трубку. – Что-нибудь придумаем.

Так, в четыре часа дня, я оказалась в пустой поликлинике с вспухшими от голодной крапивницы губами, хлюпающими сапогами и документами пациента под мышкой.

Юлия Алексеевна долго звонила. То в Минздрав, то в ФСС, то на личные номера тётенек, что чуть ближе к рулю... Везде активно готовились к празднику. И никто, нигде, никак не мог ответить, как поступить в такой ситуации. В конце концов мы на свой страх и риск решили выписать пациенту справку ВК по второе января. И вызвать ему врача из ведомственной поликлиники на второе число.

Забегая вперед: решение оказалось верным!

Тридцать первое декабря две тысячи тринадцатого. Семнадцать тридцать. Я в состоянии нестояния ползу по заснеженному городу с чувством выполненного долга. Морозный воздух наполняет гомон и хруст шагов. Вокруг суетятся люди. Докупают что-то, обнимаются, горланят песни подвыпившими голосами... А у меня получается думать только о том, что завтра не нужно выходить на работу.

Как ни странно, мысль греет и успокаивает.

Первой была женщина

Как-то раз, под Новый год, постучалась ко мне в кабинет пожилая женщина. Без записи, вне плана. Было в её облике и позе что-то тревожное, что заставило немедленно её принять. Может быть, влажный блеск бесцветных глаз. А может – взъерошенные волосы под наспех накинутым капюшоном осенней куртки.

– У моей дочери рак с метастазами, – оповестила она с порога. И положила на стол документы. Достала дрожащими пальцами длинный список из папки: – Онколог рекомендовал выписать эти препараты.

Надо сказать, что выписывать об ту пору мы могли всё, что угодно. Гипертоники исправно получали по льготам дорогушие и крутые Небилет и Леркамен, а уж онкопациентам полагалось всё: от железа для поддержания гемоглобина до ферментов и сомнительных гепатопротекторов.

Я начала понемногу расспрашивать женщину: осторожно, стараясь не причинять ей тревоги...

... Анне было сорок четыре. Работала она администратором в салоне красоты. Работа нравилась. Анна обладала хорошим вкусом и быстро находила общий язык с клиентками. Уходить на длительный больничный точно не входило в её планы.

Никогда Анна никакой хроникой не болела. Даже операции ей ни разу не делали. Не знала, наверное, какими цифрами «скорая» вызывается... А тут – внезапно почувствовала себя плохо вечером, после ужина: заболел живот. Через несколько часов – вся пожелтела от макушек до пят.

С подозрением на приступ желчной колики госпитализировали Анну в БСМП. Довели до операционного стола, ничего не разъяснив. Разрезали... и зашили!

Уже не помню, в чём была суть операции: то ли стому вывели, то ли альтернативный желчеотток создали. Много лет прошло, всего и не упомнишь теперь. Но суть не в том. Не желчнокаменная это была. Хуже. Нашли у Анны опухоль поджелудочной железы, капитально сметастазировавшую в печень и перекрывшую желчеотток.

Что удивительно, до этого случая Анна никаких симптомов не чувствовала.

Ни болей, ни кишечных колик, ни тошноты, ни жидкого стула.

Даже не похудела ни на грамм. Вот как бывает!

Анна всегда была красивой и ухоженной. Даже лёжа в постели – без отросших корней, с доморощенным маникюром, причёсанная и умытая, в красивом халате. Вся стена у кровати увешана иконами и молитвами. Я не то, чтоб в целительную силу религии верила, но раз человеку так легче...

Анна постоянно на что-то новенькое жаловалась. Боялась закономерного исхода и болей. По несколько раз на дню её терзали жуткие панические атаки. Оно и понятно: когда в самом расцвете сил понимаешь, что смерть за спиной и вот-вот тебя коснётся, иной реакции быть не может.

Больше всего беспокоилась Анна за сына. Он появился у неё поздно, ей уже под сорок было... Как будет расти без неё? Кто о нём позаботится? На мужа, что, несмотря ни на что, ежедневно выводил её гулять, она не рассчитывала. Может быть, замечала какие-то звоночки; может, тому были причины... Кто теперь разберётся?

Выписывать препараты за Анну всегда приходила мать. Сама она до поликлиники после операции уже не добралась бы. Выписывали мы много и по несколько раз в неделю. Я впервые сталкивалась с молодой онкопациенткой, и мне отчаянно хотелось ей помочь.

К сожалению, для этой истории хэппи-энда у судьбы не нашлось. Анна была первой смертницей в моей участковой карьере. Первая смерть, как и первая любовь, запоминается навсегда. А тут ещё смерть крайне несвоевременная. Да онкологическая...

Когда в начале весны закономерный итог пришёл, муж Анны сына не забрал. Его усыновила старшая сестра Анны.

Мама Анны через пять лет тоже онкологию поймала. Тоже сразу четвёрку. Но держалась очень долго и молодцом: боролась с нею ещё семь лет. А ушла в лучшие места уже после того, как я ушла с участка.

Вытащи меня!

Все ли вызовы на дом обоснованы?

Ха. Ха. И ещё раз: ха!

Если б вызывали только по потребности, терапевты бы так не упахивались. В самые суровые ковидные часы – даже находили бы время выпить чаю и подкрепиться.

Вызов врача на дом – увы, сервис. Участковый терапевт – обслуживающий персонал. Как курьер по доставке пиццы или продуктов из супермаркета.

На каждом участке, как в часах, есть своя кукушка, что напоминает о себе если не ежедневно, то ежедневно. Устойчивый ряд фамилий передаётся из уст в уста, от опытных терапевтов к молодым. Чтоб знали: будет вызывать, как в магазин ходить. Независимо от самочувствия. Потому, что приспичило поговорить, разогнать паническую атаку, померить давление или вовсе рецепт на клофелин отоварить...

Козееву знали все.

Некогда интеллигентная женщина болела тяжело и мучительно: неврологическое заболевание почти полностью её обездвижило. Выдавались, правда, "хорошие часы", когда она могла перемещаться в пределах комнаты. Но чаще-таки были «плохие», когда ни повернуться, ни встать, ни подвинуться, ни на ведро присесть.

Усугублялось всё тем, что Козеева была не только больной, но и одинокой. Из родни – седьмая вода на киселе, из друзей – только соседи, да и те работают. Соцработники, правда, посещали Козееву ежедневно, но не останутся же они на ночь?

Козееву было бы бесконечно жаль, если б не скандальность и патологическое желание насолить во что бы то ни стало. Подвинуться на кровати она не могла, но до телефона дотягивалась исправно. И начиналась её бурная деятельность...

Не пришёл на актив по 03? На тебе жалобу!

Говорил ненадлежащим тоном? У-у, получи, фашист, гранату!

Перезвонил после актива с вопросом, нужен ли врач? А как же не нужен-то?! Разве бывает иначе?!

Каждый участковый терапевт нашего отделения хотя бы раз получал от Козеевой по мозгам.

В списке вызовов её фамилия фигурировала ежедневно. Иногда по три раза: два актива и самовывоз. Ещё и позвонит в два-три часа дня, напомнит о себе, коли терапевт не дошёл... Вот какая была!

С фактом наличия Козеевой мы просто мирились.

На участке Козеевой очень долго не было врача. Оттого каждый день в 11.00 мы играли в русскую рулетку:

– Не возьму я девятый участок! Там Козеева опять! Я лучше завтра!

– А завтра она, думаешь, не вызовет?

– Давай поделим. Только Козееву – тебе.

– Отлично. Беру одну Козееву, а ты – три оставшихся вызова!

Однажды, в грустную эпоху, когда в дежурные дни мы шагали по вызовам ножками, Козеева не отпускала меня целый час на четырнадцать оставшихся вызовов, требуя пойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что.

– Голова раскалывается, – плакала она. – Целый час не могла сдвинуться с места. Не то, чтоб лечь...

– Разве я могу помочь? – спросила я, стараясь не дышать. Омбре в Козеевской квартире царило такущее, что воздух можно было резать кубиками. – Если только ибуклинчик от головной боли выписать. Радость движения я Вам при всём желании не верну.

– Мне нельзя Ибуклин! У меня больной желудок!
– Парацетамол...
– И от него болит!
– Но-шпа!!!
– Хватит издеваться, доктор! – злилась Козеева. – Эта но-шпа ваша – как мёртвому припарки!

– Объясните толком, – тут закипала и я, – чего Вы сейчас хотите от меня? Конструктивно. Словами.

Козеева пускала слезу:

– Но Вы же врач! Вам лучше знать, как помочь.

– Давайте оформлю вызов на невролога, – выходила я из положения, поглядывая на часы.

Уж лучше пособачиться с коллегой. Продуктивнее.

– Дава-а-айте! – тут же расцветала Козеева.

Мы старались лишний раз не гонять узких специалистов по адресам. Но иной раз сами создавали необоснованные вызовы.

В другой дежурный день Козеева уговорила меня поднять и пересадить себя. При этом я подорвала спину и ещё две недели ползала по адресам, согнувшись в три погибели.

Непредсказуемость Козеевой зашкаливала. Иногда она требовала госпитализации, да чтоб не по 03, а непременно в Зелёную Рощу²! И чтоб не планово, а вотпрямчас! И чтоб на «Скорой» туда доставили, аки на такси...

Ещё один случай не укладывается в моей голове до сих пор, хотя прошло немало лет...

Прихожу, значит, я к Козеевой, смурная от чувства обречённости и тоски. Открываю незапертую дверь и, не разуваясь, заваливаюсь к пациентке. Сий маршрут сквозь сеть запылённых комнат мы знали на зубок.

Омбре в тот день стояло особо невыносимое. Не продохнуть. Взмахнёшь руками – воздух заколышется, как холодец. Картина маслом: сидит Козеева на кровати, а на лице – вся скорбь котейки из Шрека.

– Вытащи меня... – только и молвит жалобно.

Только тогда замечаю, что Козеева сидит в продуктах своей же жизнедеятельности. Чувствую брезгливость, ярость и дикое унижение. Но надо держать себя в руках. Возможно, положение безвыходное?

– Так Вы и вызвали для этого? – удивляюсь я.

– Да. Час назад была «скорая». Отругали и ушли, а я так и осталась...

– А кто этим обычно занимается?

– Соседка. Но она ушла на рынок.

– Родственники?

– Заняты.

– Соцработник?

– Позже придёт. Мне что, так до вечера сидеть?!

Кое-как пересадила-таки я её на соседнее, незапачканное место. Позвонила ухаживающим. А она, вместо человеческого "спасибо":

– Что ж я, грязная что ли буду сидеть?! Меня вытереть нужно!

– Врача на дом вызывают не для того, чтобы Вам марафет наводить, – не выдерживаю я.

– Знали же, куда шли! – продолжает ворчать. – Клятву Гиппократова давали...

² – *Зелёная Роща* – неофициальное название Госпиталя для ветеранов в г. Саранск, которое часто используют в разговоре жители Мордовии.

Возможно, я поступила негуманно. Не удивлюсь, если меня осудят. Но я ушла. Просто развернулась и ушла, игнорируя упреки, летящие в спину. И да: жалоба на меня прилетела на следующий день.

Между милосердием и танцами с бубном есть граница. Важно её чувствовать. Не прогибаться, действовать по регламенту. Уступишь раз, уступишь два – затопчут и поедут на тебе. Даже не умея двигаться...

Участковый терапевт – прежде всего, человек.

Я никогда и никому – даже заклятому врагу под страхом расстрела – не пожелаю такой судьбы, как у Козеевой.

Но отчего-то совсем не жаль мне её.

Забытая жизнь

В последний раз перед спячкой природа ярилась и цвела. Улицы плевались пряными листьями и бордовыми пулями рябин. Воздух пах заморозками: ещё неощутимыми, но неумолимо крадущимися.

В ту осень мне часто приходилось мотаться на вызовы в частный сектор. Прогулки по старым улочкам вдоль строя деревянных домов казались приключением (это сейчас мы, подустав от участковой работы, лаконично обзываем отдалённые локации "жопой мира"). Оттого я не злилась на бабу Фёклу, что вызывала ежедневно с одними и теми же жалобами.

Разговор каждый раз сводился к одному и тому же:

– Давление вот, – улыбалась баба Фёкла.

– Так я же вам в прошлый раз Эналаприл выписывала! – разводила я руками. – Неужели не принимаете?

– Эналаприл? – переспрашивала баба Фёкла, когда я показывала ей листочек с назначениями двухнедельной давности, забытый на подоконнике. – Ах, да. Он же есть у меня, – она открывала стол и доставала заветную коробочку. – А как его принимать?

– Я же объясняла Вам. Два раза в сутки. Независимо от давления. По десять миллиграммов.

– А зачем, если давление сто двадцать на восемьдесят?

– Так стабилизировать его нужно, чтоб не скакало. Чтоб Вы «скорую» каждый вечер не гоняли.

– Оно поднимается, вот и вызываю, – возмущалась баба Фёкла. – Вот, сейчас сто тридцать пять на восемьдесят. Вот, я пью Эналаприл, смотрите!

– Так зачем сейчас-то?! Его регулярно нужно, по графику!..

Поспорив с бабой Фёклой и в очередной раз расписав назначения, я собиралась на следующий адрес. И перед тем как уйти, получала от неё в подарок большое красное яблоко прямо из сада...

Конечно, я знала про болезнь Альцгеймера и про все её симптомы. Но когда впервые столкнулась с нею на практике, не смогла соотнести то, что вижу, со строками из учебника.

Баба Фёкла не была тёмной или несведущей: всю жизнь прожила в центре города, работала в медицине на хорошей должности. Но отчего-то всё, что я наказывала, пролетало мимо её головы...

Вызов в ЖК «Стодвадцатка». Незнакомый адрес, неизвестная фамилия, почтенный возраст. И лаконичное «плохо», как эпилег.

У подъезда я встретила толпу напуганных бабушек:

– МарьСанна, Вы осторожнее. Вот тут обойдите, вот тут...

– А в чём дело?

– Да вот ведь, – мне показали клумбу у подъезда. Вместо цветов в ней, на фоне клубков старого тряпья, перемежаясь со столовыми приборами, красивенько переливались осколки советских салатниц, ваз, тарелок и статуэток. Авангард, да и только!

– А это что за выставка современного искусства?

Вместо ответа в воздухе что-то засвистело. Мгновение спустя инсталляцию украсила ещё одна старая ваза и козыи рожки сухих вербочек. Я едва успела отпрыгнуть.

На адресе встретила голая пожилая женщина. Окна в квартире были распахнуты настежь. Женщина методично выкидывала вниз вещи:

– Вот, прибраться решила. А Вы кто вообще?

– Врач. Вы ведь вызывали!

– Никого я не вызывала...

Стоит ли говорить, что мои бесполезные визиты к тётке Параскеве стали почти ежедневными?! Чудила она ещё долго: то Дюфалак четыре раза подряд выпьет, то всю пачку Телмисартана за раз... Хорошо, что не Феназепам, а то б вовек не откачали...

Тридцать первое декабря!

Мир подмигивает огнями гирлянд и душится ароматом мороза. Радует приближению Нового года, строгаёт салаты, запекает курицу с золотистой картошкой... Чуда ждёт. И чудеса приходят, но не для меня. У моих коллег нет вызовов. А мне – пилить аж по трём адресам. Один вызов – на девятый этаж!

Лифт, как выяснилось, устроил себе новогодний выходной. Лифт – не участковый терапевт, ему можно. Оттого, когда я поднялась на девятый этаж с отягощением в виде продуктовой сумки и зашла к Пульхерии Дормидонтовне, я была злая-презлая.

– Спина болит, – пожаловалась женщина.

– Неужели так сильно, – с сарказмом выдавила я.

– Нет, немного совсем, – ответила Пульхерия Дормидонтовна. – Уже месяца три...

Тут я тихо психанула:

– С наступающим Вас!

– А что, – удивилась та, – разве сегодня Новый Год?

– Ну, как бы, да... – на этот раз удивилась я.

А Пульхерия Дормидонтовна заплакала:

– Я всё забываю в последнее время! Все адреса, телефоны. Вышла как-то утром прогуляться – не смогла свой дом найти. Почему так? Я ведь в школе и в университете всегда лучше всех была, отличницей! На работе награды получала. Что со мной? Что?..

Что объединяло этих женщин, кроме общей болезни?

Все они оказались одинокими при живых родных. Заметив изменения в характере и поведении родных людей, дети напугались, отдалились, а то и обиделись.

За десять лет участковой работы я повидала пятнадцать или двадцать таких пациентов. Они чудили, ругались, забывали свои имена, выходили из дома без одежды, путали слова, терялись на знакомых улицах, жгли костры в квартирах...

Болезнь Альцгеймера неизлечима. Она кусает людей, не глядя на их возраст, материальные блага, уровень интеллекта и образование.

Самое важное, чем вы можете помочь близким, если недуг застал их врасплох – быть рядом. Просто быть рядом.

Как в страшной сказке

Ветхий домик увяз в сугробе: только крыша торчала серым треугольником. Да и ту припорошил снег, спрятав струпья фисташковой краски.

Домик пустовал. Так мне казалось. Квадрат палисадника у дороги никто не чистил, покосившийся забор никто не чинил... Летом домик сиротливо тонул в бурьяне, кренясь на один бок и щурясь ободранными наличниками, зимой его поглощал снег...

Когда я проходила мимо, в голове наигрывало что-то из "Короля и шута"...

Вызов на этот адрес показался ошибочным.

Я трижды перепроверила посылный лист. Семь раз прокрутила в голове пути отступления: слишком уж подозрительным казалось место... А потом – с отвагой провинциального участкового терапевта ступила прямо в сугробище!

Снег завалился в сапоги и промочил джинсы. А, фигня! Рядовая ситуация: мы и от собак бегали, и по грязи плавали, и в алкашные притоны на разведку ходили! Чем нас удивить?

Калитка завалилась на бок. Я могла бы достать носом верхнюю перекладину, не поднимаясь на носочки.

Постучала. Тишина.

Постучала ещё раз. И снова ответом стало молчание: лишь ветер взвыл вдалеке, как бешеный пёс.

От сердца почти отлегло. Я уже домой засобиралась, когда в глубине двора зазвенело тявканье, а тишину разбавил басовитый вальяжный голос:

– Иду, иду. Сейчас открою...

Сева жил с декоративным пёселем: настолько же мелким, насколько сам Сева был огромным. Говорил невнятно, не работал, невкусно пах, и, вероятно, употреблял. К нашей поликлинике не прикреплялся и прикрепляться не желал. Обосновался в домишке недавно: то ли сам от жены убежал, то ли жена от него. Жаловался на типичные симптомы ОРВИ.

Согнувшись в три погибели под низеньким потолком, я осмотрела Севу. Проводя аускультацию, увидела на его спине объёмное образование размером с хороший такой апельсин.

– Вам бы хирургу показаться, – заметила я.

– Э-эх, – махнул ручищей Сева. – У меня уже сто лет этот жировик!

Я нахмурилась: образование на жировик не походило. Неровное какое-то, плотное, спянное с кожей. Но, вроде, подвижное, на чём и успокоилась.

А зря.

Вспомнить Севу пришлось ближе к лету, когда на адрес передали вызов по 03.

С кодом "С".

Каждый доктор знает: «Це» – це звезда. Бывает, что просто оказия, но в ЦЕлом – ничего хорошего, как ни крути.

Сева перевёз к себе жену. Или она сама приехала... Жена оказалась красивой и очень мягкой. Прибралась во дворе и в доме, посадила в палисаднике цветы, отмыла, одела и привела в порядок Севу.

– Кровь у него никак не останавливалась, – пояснила Севина жена.

– Кровь? – переспросила я, чувствуя беду. – Из носа?

– Пойдёмте, сами всё посмотрите.

Выглядел Сева неплохо. Не портили его гордый вид даже образования на лице, коих зимой не наблюдалось.

– Открой рот, – скомандовала жена.

Ого! Две шишки прямо в толще щеки! Большие, плотные...

Кровило одно из образований.

Тут я и вспомнила про апельсин на Севиной спине.

Апельсин, впрочем, уже вырос до маленькой дыньки и покрылся геморрагической корочкой. Рядом вылез ещё один.

– Показывали хирургу? – поинтересовалась я, немного офигев от масштабов оказии.

– Конечно. И онкологу. Биопсию второй раз берут: в первый так и не поняли, что это такое.

– Может, имеет смысл прикрепиться к нашей поликлинике? – предложила я, уже понимая, что скоро Севе потребуется обезбол.

– Да нет, мы у себя привыкли.

Севе поставили липосаркому спины. Но какой-то странной она оказалась, вездесущей. Сметастазировав по всей жировой клетчатке, она в считанные дни превратилась в саркому всего Севы. Шишки разных размеров и форм вылазали у него то там, то здесь. Севе рекомендовали паллиативную терапию по месту жительства. Это означало, что помочь ему уже не могли.

Уже через неделю, когда Сева на очередном вызове открыл калитку, я заметила, что на его виске вырос гриб. Натуральный гриб: с длинной ножкой и шляпкой. Из опухолевой ткани... Сам Сева был эйфоричен и смешлив. Гриб несколько его не заботил...

Ещё через пару дней гриб вырос вдвое и закровил. Отчаянно и мощно. Севе пришлось вызвать «скорую». Хирург приёмного отделения, глядя на Севины диагнозы и интенсивность кровотечения, почесал голову и... срубил гриб под корень, чем несказанно Севу обрадовал.

А общая картина оставалась нерадостной. Метастазы проросли всё тело Севы, прокраившись даже туда, куда залезть невозможно. Они росли и размножались не только под кожей, но и в лёгких, в мозгу, в печени...

Переварить и принять это сложно, даже будучи врачом.

Одно дело – читать, как раковая опухоль растёт, по книжкам. Другое – видеть процесс собственными глазами, на живом человеке, в таких масштабах...

Я откровенно боялась вызовов от Севы. Когда в листочке с адресами не было его фамилии, я благодарил Вселенную.

Ещё через пару недель Севе понадобился обезбол. Сразу наркотики. Трамадол его не взял, а НПВС он ел, как конфетки.

Сева лежал и стонал. На его похудевшем животе, где-то в районе печени, выделялся мощный метастаз, чуть ниже – ещё один. Периодически Сева впадал в беспамятство, иногда – рычал и агрился, иногда – приходил в себя и отчаянно просил снять боль.

Только тогда, уже будучи в почти бессознательном состоянии, он согласился прикрепиться к нашей поликлинике.

Его прикрепления хватило на одну выписку мо**ина.

Больше Сева не мучился.

Этот загадочный и страшный случай до сих пор снится мне по ночам. Даже спустя десяток лет перед глазами то и дело встаёт образ весёлого Севы у калитки, с опухолевым грибом на виске...

Кто знает, отчего заболевание приняло у него такую агрессивную форму?

Генетика? Может быть.

Иммунодефицит? Не исключено.

Просто не повезло?..

Иногда я думаю, что нужно было не оставлять его в покое, когда появился первый "апельсин".

Потом понимаю, что в тот момент уже было поздно.

Старый дом так и стоит у голого палисадника: покосившийся, мрачный, с пятнами фисташковой краски на фасаде.

В бурьяне неподалёку тонет старая Севина машина.
Теперь там никто не живёт.

Будем ждать исхода

Последнее субботнее дежурство перед отпуском.

Городские улицы жадно впитывают солнечные лучи. На асфальте танцуют первые жёлтые листья... Воздух прозрачен, а небо сияет приторной голубизной. Грустная пора увядания и дремоты взяла верх.

Перед выходными что-то непременно идёт не по плану. То уйма вызовов, и ты мотаешься по подворотням до непроглядной темноты; то внезапное продление чьего-то больничного через врачебную комиссию на дому в семь вечера, то ещё что-нибудь интересное... Что уж говорить о последнем дне перед отпуском!

Однако, это последнее дежурство, вопреки сложившимся в медицинских кругах приметам, было чрезвычайно благодатным на вызовы. Активных не предвиделось вообще. Да и по 03 всего-то четыре штуки, и все рядом. И три из четырёх с пустяковыми диагнозами, вроде кишечной колики...

А вот четвёртый... хм!

Участок по соседству с моим. Бабушка восьмидесяти двух лет. Диагноз скоряков: "Острый аппендицит. Кишечная непроходимость".

Это как же так? Почему «скорая» бабулю с таким серьёзным диагнозом не забрала? Неужели сама не поехала?

И телефона, увы, нет. А то можно было бы всё расспросить и дистанционно наставить бабку на путь истинный... Рассказать, например, чем чреваты отказы от госпитализации в подобных случаях.

Двухэтажный старый дом в глубине переуллка увит плющом. Снаружи чисто и даже помпезно: величественные окна, арки. Внутри – настоящая машина времени, в мгновение ока перетавившая в самое сердце старых добрых советских деньков. Общага коридорного типа, распахнутые двери комнат. Ободранный пол. Уютный запах жареной курицы перемежается смрадом плесени. По стенам, меж старых шкафов, которые, как и полагается, поставить некуда, а выбросить жалко, тянутся ретро-гирлянды из лука, утрамбованного в капроновые чулки. Краска на стенах местами облупилась, обнажив клетчатый остов.

В коридоре меня ловит женщина лет пятидесяти. Вежливая, учтивая. Говорит, что их участковый врач ходила к ним чуть ли не всю неделю, ибо «скорую» они вызывают ежедневно. Госпитализацию, спрашиваю, предлагали? Да, мол, каждый день предлагает, уговаривает! На вопрос, почему не поехали в больницу, даёт расплывчатые ответы не по существу. Мнётся. Провожает в комнату.

И вот она – больная. Послеинсультная бабуля. Понимает всё, но речи – нет. И не совсем «бревно»: с поддержкой ходит в пределах комнаты, естественные нужды контролирует, и не "под себя". Четыре дня назад, со слов дочери (коей оказалась вышеописанная женщина) появились боли в животе, перестали отходить газы и стул. Рвоты не было.

Осматриваю. Бабка стонет от боли. Живот вздут, напряжён, симптомы раздражения брюшины – как по учебнику. АД 90/60. Пульс 120. Понятно и ежу – спасать надо бабульку. Самостоятельно ничего не разрешится.

Объясняю это дочери. Начинаю писать направление на госпитализацию, достаю телефон... И тут же получаю в лоб: "Мы не будем госпитализироваться. Никуда я её не повезу!"

Объясняю ещё раз, доступным языком, чем дело кончится. Именно «кончится», а не "может кончиться". И снова получаю отказ.

– Ну это же невозможно с ней после операции там сидеть...

– У всех случаются трудности. Все же как-то справляются. В крайнем случае, можно сиделку найти. Тем более, что она и без этого у Вас немобильная.

- Ну... нет, нет. Ей всё равно уже 82 года.
- Всё понятно. Ну хоть отказ-то Вы мне напишете?
- Напишу, давайте.

Беру письменный отказ. Направление всё же оставляю. Рассказываю, какая страшная вещь – перитонит, как долго и мучительно от него умирают. Дочь спокойно выслушивает, хладнокровно отвечая: "Значит, буду ждать исхода". Настоятельно рекомендую вызвать «Скорую» и соглашаться на госпитализацию. Женщина снова отказывается.

- Поймите меня просто, я же с ней там после операции замучаюсь!
- Нет, не понимаю... – отвечаю я, закрывая дверь.

Сказать, что я пребывала в шоке – ничего не сказать.

В те годы я совсем не видела решений. Не повезут же бабушку силой, во правду.

Но... 03 я всё же вызвала, с улицы.

Сейчас бы, наверное, вызвала 02...

Вещий сон

Что триггерит МарьСанну?

Когда перед ней – взрослый, адекватный и трудоспособный пациент. Трезвый, вроде бы, и руки – не лапки... Но жалобы за него излагает человек другой: обычно мама или жена.

Почему, ну почему кто-то берёт на себя право судить за другого, как ему будет лучше?!

И отчего тот, кого отчаянно спасают удушающей заботой, не возражает?!

Другое дело, когда пациент возразить не может.

Или может. Но только матом...

Шёл один из размеренных доковидных дней. Небо окутывало город спокойной синевой. Летнее солнце грело асфальт, разжаренная тимофеевка насыщала воздух аллергенами, во дворах звенели детские голоса... Такие дни хоть и походили друг на друга, непременно были счастливыми. Ибо нагрузка падала в два, а то и в три раза.

Вызов мне достался всего один. На незнакомую фамилию. «Слабость», – сигнализировала заметка от регистратора.

На адресе встретила приятная пожилая пара: мягкая, заботливая женщина и улыбающийся мужчина в роговых очках. Проводили на кухню. Усадили на чистенькую табуретку советского образца.

– У него голова всё время кружится, – засуетилась женщина. – Давление постоянно под двести, а что пить – не знаем. И что-то тяжело ему в туалет сходить...

Пациент лишь глуповато улыбался, издавал странные звуки и кивал.

– Может быть, пациент сам всё изложит? – перебила я. Триггер, в общем, такой триггер...

Оба резко помрачнели.

– Не может он, – разъярила женщина. Потянулась к подоконнику и достала незакрытый больничный лист. – Инсульт у него. Вот, нас только выписали!

Так стыдно мне не было никогда.

Серьёзным оказался Филипп Иванович, деловитым. Несмотря на глубоко пенсионный возраст, до последнего работал сантехником и был на хорошем счету в организации. Но однажды беда приключилась: сильно закружилась голова на рабочем месте. Потерял сознание, упал... Очнулся – гипс... ой, реанимация!

Повезло Филиппу Ивановичу. Относительно. После сего происшествия сохранил он и ясность ума, и крепость тела, и бодрость духа, и способность к самообслуживанию.

А вот речь сберечь не удалось.

Почти.

Читать и писать кое-как, но получалось. Правда, бывало, Филипп Иванович не узнавал знакомых слов при чтении. Тогда он сильно сердился. И выдавал отборный мат – единственное, что получалось выдать.

Супруга Филиппа Ивановича – Зинаида Владимировна – однако, понимала его с полувзвуча. С полумата. По интонациям. И стремилась позаботиться о нём так, чтобы тот не ощущал своего дефекта.

На приём они всегда приходили вдвоём. Но общаться с Филиппом Ивановичем мы старались без посредников.

– Здравствуйте, – говорила я. – Пожалуйста, садитесь.

– Привет! – коротко отвечал Филипп Иванович, сияя неизменной улыбкой. А Зинаида Владимировна гордо краснела, замечая его успехи.

– Как Вы себя чувствуете?

– Во! – Филипп Иванович показывал большой палец.

– Что врешь-то? – вмешивалась Зинаида Владимировна. – Не слушайте его, Мария Александровна! У него вчера давление поднималось! Мы чуть до «Скорой» не дошли...

– Гр-р-ры-хр-р-ры, – возмущался Филипп Иванович, вскипая. А потом красноречиво выдавал: – Б*я!

– Так что, выпишите нам что-нибудь ещё... – продолжала Зинаида Владимировна.

– Б*я?! – повторял Филипп Иванович с возмущением.

– Что злишься то? Вот разобьет второй инсульт, мало не покажется! Объясните ему, Мария Александровна, что от давления инсульты случаются.

– Э-э-эх... – Филипп Иванович обречённо качал головой и махал ладонью. Мол "пофиг, что с вас, с баб, возьмёшь".

Успехи делал Филипп Иванович. К выздоровлению шёл, к социализации. Сам брился, умывался, одевался. Хотел даже на работу вернуться после закрытия больничного листа. Отговорили – и то хорошо.

Бывало, тащишься по участку умученная, а Филипп Иванович с понимающим видом стоит в кругу мужиков из ЖК «Стодвадцатка» и, кивая, слушает последние новости. А, заметив тебя, выдаёт коронное: "Привет!"

Давление мы ему скомпенсировали. Но на приём супружеская чета продолжала ходить с завидной регулярностью. Берегла мужа Зинаида Владимировна. Понимала, что может случиться и второй раз, и тогда уже может не повезти...

Снится мне как-то сон.

Выхожу я на улицу, в бетонные джунгли родных дворов. Навстречу, со стороны леса, чешет Филипп Иванович. Счастливый и сияющий. В той же красной клетчатой рубашке, чуть расходящейся на пузике. И в гордом одиночестве.

– А где же Зинаида Владимировна? – удивляюсь я, поравнявшись.

– Э-эх... – машет Филипп Иванович рукой в ответ. Тороплюсь, мол, не задерживай.

И продолжает путь: куда-то в сторону Лесного озера³...

На следующий день я узнала, что Филипп Иванович умер.

– Агрессивным каким-то он стал ближе к обеду, – рассказывала потом Зинаида Владимировна. – Засуетился, разволновался. Побросал всё, побежал в ванную. Намылся, побрился, надел чистую одежду и на диван сел. А через две минуты тихо умер. Я даже «Скорую» вызвать не успела.

Вскрытие показало, что настиг Филиппа Ивановича второй инсульт. Иногда так бывает. Злая игра статистики, ничего не попишешь.

Сильно сдала Зинаида Владимировна после смерти мужа. Будто забота о нём придавала ей сил. Словно был Филипп Иванович аккумулятором, поддерживающим её заряд и работоспособность. Сделалась Зинаида Владимировна медленной, грустной и заторможенной. Начались проблемы с речью: говорить получалось, но всё медленнее и медленнее. Неврологи лишь руками разводили: по КТ – неизвестное нейродегенеративное заболевание; на бумажках – ДЭП. Мексидолы, Пирацетамы и прочие отходы животноводства вроде Кортексина, ясен пень, эффекта не давали...

В последний раз видела я её перед увольнением.

Для того, чтобы произнести обычную фразу, Зинаиде Владимировне требовалось две минуты чистого времени...

Как она сейчас? Жива ли?

Что триггерит МарьСанну?

Когда всё-превсё прекрасно понимаешь. И чешется-то внутри от глобальной несправедливости. И бомбит-то не по-детски от желания поставить некоторых на место.

³ Лесное *Озеро* – озеро в черте г. Саранска, расположенное около городского кладбища.

А вот сказать об этом ты не можешь.
Не всегда нам затыкает рот болезнь. Чаще – обстоятельства.
Быть или не быть? Немым или говорящим?

Мастодонт

Александра Гавриловна Егорова, несомненно, была замечательным человеком.

Разве может быть недостойной заслуженный врач региона, жена депутата, образцовая мать замечательных детей (не завидую, к слову, детям её подруг), заботливая бабушка? Да и просто эффектная женщина, что всегда при параде и на каблучках?

Конечно, нет.

В две тысячи мохнатых Александра Гавриловна работала главным врачом. Но, увы – дурная оптимизация железной поступью раздавила её поликлинику. Пришлось подчиниться другой, не менее гордой командирке, став сначала начмедом, а потом и вовсе заведующей отделением.

Скорее всего, это уязвляло Александру Гавриловну; ибо – говорю совершенно искренне – человеком она была умным и заслуженным. Но чувства собственного достоинства она не теряла. Публичное унижение не мешало ей гордо носить себя по коридорам, вколачивая мимоходящих в пол тяжёлым взглядом чёрных глаз.

Поступь её была так же тяжела, как и взор.

Стоять Александра Гавриловна умела не только за себя, но и за своё отделение. Как львица с солнечной кудрявой гривой. Оттого терапевты её уважали и почти боготворили.

Своих она защищала, как мать детишек.

Своим прощались не только мелкие косячки, но и большие ляпы.

За своих Александра Гавриловна могла порвать и уничтожить любого: от рядового проверяющего ФОМСа, до министра здравоохранения.

Только мы с Татьяной Арсеньевной оказались для неё чужими.

Сначала в немилость попала только Татьяна Арсеньевна: мне же при личных встречах внушалось, какая плохая и ленивая у меня медсестра. Когда я устала это выслушивать и начала заступаться за свою правую руку – а защищать своих я умею ещё эпичнее, чем Александра Гавриловна – начало прилетать и мне.

Прилетало, надо сказать, знатно. То фигнёй заниматься заставят, то "Войну и мир" от руки переписывать. То проверку на участок спустят: да такую, что и за месяц не подготовиться!

– У-у-у, – раздосадовано выкрикнула Татьяна Арсеньевна, когда Александра Гавриловна в очередной раз заставила её черпать воду решетом. – Мастодонт!

Так и закрепилось за Александрой Егоровной сие меткое энциклопедическое прозвище.

Унижать Александра Гавриловна умела даже лучше, чем носить каблучки.

Как-то раз Мастодонт позвонила среди вплотную загруженного приёма и суровым голосом велела побросать всё нафиг и топать в её кабинет.

– Это что такое? – она ткнула в мою замученную морду бумажкой.

– Санаторно-курортная карта, – проямлила я.

– Я знаю, – она указала безупречным маникюром на помарку. – Это!

– Исправление. Подумаешь. Мы же не на уроке чистописания.

– Перепишите немедленно!

– Так зачем? Это ведь не паспорт. Не официальный документ. Примут ведь.

– Я сказала: перепишите. – Александра Гавриловна походила на электрочайник, который вот-вот закипит. – Если пришлют дефектную карту, виноватой из-за Вас останусь я.

– Если настаиваете, могу написать "Исправленному верить"...

– Без самодеятельности, пожалуйста!

– Но когда, когда мне этим заниматься?! Пациентов разогнать?!

– Ничего не знаю. Ошибка Ваша. Будьте ответственны за то, что делаете.

В эпоху Мастодонта – если, конечно, приём не приходился на первую смену – я просыпалась чётко по часам.

В 7.50.

Каждый день.

Даже в отпуске.

Как сапёра, подорвавшегося на mine, меня выкидывало даже из самого крепкого и сладкого сна и неумолимо забрасывало в жёсткую паническую атаку. Трясаясь от неприятного предвкушения, я начинала ждать звонка. И дожидалась ведь!

Звонила Мастодонт ровно в 8.00. Ежедневно. Всегда на домашний номер.

Всегда с претензиями.

– Мария Александровна, доброе утро. Я посмотрела Вашу переписку, отчего у Вас прививки там не проставлены?

– Так они в прививочных картах.

– А должны быть и там, и там. Приезжайте немедленно и проставляйте!

– У меня приём в третью смену!

– Я сказала: приезжайте и проставляйте. Или звоните медсестре: пусть поднимает задницу и едет. Свою работу нужно выполнять безупречно!

Или:

– Мария Александровна, почему у Вас не заполнены тридцатые формы в паспорте участка?

– Они заполнены!

– За прошлый месяц. Нужно за этот. Приезжайте немедленно и оформляйте всё как надо.

Или медсестре своей ленивой звоните.

Или:

– Мария Александровна, почему я не могу найти карточку Вашей пациентки Кузькиной?

– Потому что она у неё на руках!

– Поезжайте к ней немедленно, забирайте карточку и везите мне! Или медсестру посылайте!

Несмотря на выпады, не укладывающиеся в рамки здравого смысла и коллегиального отношения, Александра Гавриловна запросто могла вызвать меня к себе и... от души похвалить мои книги или блог!

– Вы так славно природу описываете! Как будто бы сама там побывала! Вы – талант, настоящий талант!

Или, пробегая мимо по коридору, заметить:

– У Вас руки не мёрзнут в таких тонких перчатках? Заболеете ведь! Вы мне нужны здоровой!

Или, глядя на мои рваные джинсы, мантию, берцы с цепями и майку с черепами, в которых я шла на участок пугать пациентов, многозначительно заявить:

– Однако...

Ещё она каждый год поздравляла меня с Днём Рождения. Да едва ли не раньше всех. Да такими красивыми литературными эпитетами, что каждый раз со слезами на глазах думалось: замечательный же человек Александра Гавриловна!

Но самодурством заниматься-таки приходилось. Когда все долбили диспансеризацию, чтоб выполнить план, мы с Татьяной Арсеньевой заполняли тридцатые формы.

Да ещё потом отдавали их ей на проверку.

Да выслушивали, что всё не так.

Да переделывали...

Надо ли говорить, что план мы хронически не выполняли?

С диспансеризацией при Александре Гавриловне была та ещё запара. Родись она на пол-века пораньше – могла бы служить в Верховном Комитете Цензуры. И непременно дослужилась бы там до заслуженного работника.

Незадолго до конца месяца она забирала у меня оформленные карты и фильтровала. Сначала, упиваясь превосходством, просила Татьяну Арсеньевну найти номера телефонов пациентов и написать их на карточках. Потом – самолично обзванивала их. Мол, приходили ли Вы на диспансеризацию? Точно приходили? А то Бородина Вас провела. Не приписала ли?

Вторым этапом проверялись все диагнозы: ни дай Боже Бородина какую-нибудь эктопию шейки матки или миопию не указала!

На третьем этапе Александра Гавриловна шла в лабораторию и штудировала журналы с анализами. Все ли проведены официально? Не приписали ли мы какой-нибудь кал?

Тяжела работа заведующей, скажу я вам!

Отгадайте, на чей участок спустили большую туберкулёзную проверку?

Правильно, на наш!

О том, что проверка разнесла нас от и до, я узнала на уроке вождения. По громкой связи. Сидя за рулём. От неожиданности я чуть не расхреначила казённую машину о бордюр, а инструктор знатно отматюкался.

– Почему у вас не отмечена флюорография за последний месяц? – проворчал телефон.

– А это реально вообще? – фыркнула я.

– Это Ваша работа! Вот чем Вы сейчас занимаетесь? А могли бы уже быть здесь! – Телефон подпрыгнул у меня на коленях.

– Посмотрите флюорокарты других участков. Почему у них за десять лет пробелы, а Вы молчите? Что за двойные стандарты, Александра Гавриловна?!

– А Вы за себя отвечайте!

Инструктор офигел от разговора по громкой связи так, что выфигеть не смог. Аж подвёз меня на учебной машине прямо до поликлиники.

Именно в тот день я впервые, честно и от всей души, высказала Егоровой всё, что о ней думаю. И дверью хлопнула, поставив печать под сказанным.

Уходила Мастодонт красиво.

Уходила гордо, зная, что на место заведующей кто-то метит, и ей не избежать ещё одного публичного унижения.

С фанфарами, с цветами и большим, щедрым и вкусным столом. При параде и с достоинством. Сохраняя твёрдость взгляда и королевскую поступь.

Мне даже было грустно.

Но, едва Александра Гавриловна покинула пост, мы с моей медсестрой как-то резко стали частью коллектива. Как-то внезапно поднялись в общей иерархии до "своих".

С нами начали считаться. Нас стали уважать.

А наша участковая документация вовсе сделалась безупречной.

Ну, почти...

"И как мы всё это пережили?!" – удивлялись мы потом с Татьяной Арсеньевной.

Александра Гавриловна Егорова, несомненно, органично вписывалась в свою должность. И не спорьте! Ведь только блестящий руководитель убедит подчинённого в том, что он куда сильнее и выносливее, чем думает!

Третье января

Я календарь переверну, и снова третье... января!

Мой личный день ежегодного хронического дежурства.

...Под конец декабря участковые дружно отращивали зубы и поджимали хвосты. Ибо начинались разборки: кому и когда в новогодние выходные вкалывать...

Мне было легче в этом плане. Благодаря заботе заведующей – Александры Гавриловны Егоровой – передо мной выбор не стоял. Любила она нас с Татьяной Арсеньевной особой, глубочайшей, начальственной любовью!

Бывало, зайдёт Александра Гавриловна в наш кабинет королевской походкой. Стряхнёт со лба золотистый локон, подбоченится гордо, оправит шёлковую блузку и взглянет на нас тяжело, исподлобья. А глаза чёрные-чёрные, аки моё ежегодное третьеянварское утро.

– МарьСанна, – произнесёт строго, поставленным голосом, и протянет листочек с датами. – Выбирайте, когда дежурить будете.

Настороженно вожмусь в стул. Взгляну на листочек... А там всего одна свободная дата: третье января. Остальные дни разобрали.

– А почему я снова последняя? – пропищу задавленной мышью.

– Ну, МарьСанна, – фыркнет Егорова снисходительно, – вечно у Вас все вокруг враги!

Свободный выбор без права обжалования как он есть...

И так из года в год, как по лекалу.

А я-то что? Я молодой была, инициативной, хотела добро творить, мир спасти и делать важные вещи...

Между тем, именно третьего января дух праздника уходит, а отоспавшийся народ появляется на свет из берлог. Именно третьего января люди вспоминают, что у них что-то болит, и... конечно, начинают звонить в поликлинику! Третье января, независимо от дня недели – это понедельник. Такой большо-о-ой понедельнице.

Ах, как я ненавидела третьеянварные дежурства!

Мои третьи января выдавались разными. Иногда был штиль: от четырёх до вольми вызовов, и больше половины по 03. То есть, сам человек врача не вызывал.

Бывало и по тридцать-сорок самовывозов, прибывающих в геометрической прогрессии.

Старая двухэтажка, ветхая квартира. Почти лежащая бабушка, что по закону жанра "вчера ещё картошку копала", с очень заботливой дочерью:

– Нам нужны направления на все-все-все анализы и обследования! Нужно понять, отчего она не встаёт!

– Третье января – самый замечательный день для этого...

– Но вы же знали, куда шли!

Новый район. Элитный дом и квартира, в которой можно заблудиться. Каждое слово отдаётся эхом:

– Ой, а Вы не педиатр? К нам ещё педиатр должна прийти! Мы и вчера вызывали, и сегодня вызвали и себе, и детям!

– Температура не падает? Лечение не помогает?

– Почему? Всё помогает. А температуры у нас и не было. Но нужно же послушаться!

И как эпилог:

– А вы не можете у нас ещё анализы взять?

Старая пятиэтажка у школы. Пожилая женщина зелёного цвета, блюющая в тазик, и корпящие над ней дочери:

– Мы три раза вызывали «Скорую»! Не берут в больницу и всё!

Пальпирую живот. Доска-доской... Температура 38.7 С...Прозваниваю «Скорую» и пишу направление на госпитализацию. Дожидаюсь, пока пациентку заберут, а то мало ли...

Хрущёвская коробка, которых полно в каждом городе. Пять этажей вверх по крутой лестнице. Едва стоящий на ногах мужчина в дверях:

– А я вас... Это... Ну, не ждал, не вызывал...

– Вызов по 03 передали. Пишут, что ритм срывался у Вас.

– Ну, что-то было такое. Но вы... Ик!.. Не переживайте, – чешет пузо. – Идите, празднуйте... С Новым Годом!

Четыре часа дня. Вылезаю с очередного адреса и, с облегчением выдохнув, сажусь в машину.

– Я Вас дальше не повезу, – заявляет водитель недовольно. – У меня рабочий день заканчивается в шестнадцать ноль ноль.

– А как же я? – чуть не плачу. – Ещё девять вызовов...

– Звоните Васечкиной, спрашивайте. Мой рабочий день закончен.

Затемно добираюсь до адреса у самой поликлиники: ведь начинала с дальних...

Здоровый двадцатилетний лоб с большим горлышком. Мама лба очень недовольна долгим ожиданием и поминает Минздрав всуе.

– Могли бы и дойти до поликлиники, – замечаю я.

– Так у него вчера температурка была! Тридцать семь и три!

Обойдёшь адреса, доползёшь до поликлиники. Разбудишь заспанного сторожа и сядешь, не раздеваясь, больничные выписывать. Голова засыпает, спина отваливается, ноги жаждут побежать на последний и самый верный адрес – домой...

А вот к какому часу доберёшься – чёрт его знает...

Третьеянварные дежурства заставляли меня беспомощно лежать на пузике все новогодние выходные и выбивали из колеи ещл на полгода. А оставшиеся полгода я с ужасом ждала Нового года и очередного третьего января...

Фрекен Бок

Василису Валентиновну Коломенцеву из пятого подъезда боялись все.

Боялись скоряки. Если уж вызвала, то из квартиры не выпустит.

Боялись соцработники. Оттого менялись каждый месяц.

Даже окрестные гопники, слышав басовитый Васин говор, улелётывали, бросив пивчанский и поджав лапки. Сама видела!

Да что греха таить: и я её сторонилась.

Бывает, позвонит в разгар приёма, да ка-а-ак начнёт отчитывать на чём свет стоит! Оттого все пять Васиных номеров, включая домашний, числились у меня в чёрном списке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.